

Модальность наклонения в типологическом аспекте

Алиева Э.Н.

Доктор филологических наук, профессор, кафедра «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, lingvamier@mail.ru

---

Развитие лингвистической науки – непрерывный поступательный процесс. Накапливается новый материал, возникают новые идеи, уточняются и пересматриваются прежние оценки и концепции. Это делает необходимым создание обобщающих работ, целью которых являются подведение итогов научных исследований, суммирование достижений, рассмотрение нового материала и переоценка ранее известного. Значительное усовершенствование за прошедшие годы методики исследования в языкознании делает возможным сопоставительное и универсально-типологическое изучение языков самого различного строя, в том числе генетически и типологически далёких.

Ключевые слова: генетически и типологически далёкие языки, методики исследования, сопоставительное языкознание, универсально-типологическое изучение языков.

Для цитаты:

Алиева Э.Н. Учет Модальность наклонения в типологическом аспекте [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020201

For citation:

Alieva E.N. The category of mood in typological aspect [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no.2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020201

Каждый язык прошёл свой путь развития и занял определенное место в своём социуме. Среди тысяч языков нашей цивилизации нет двух совершенно одинаковых. Уникальность строения языков свидетельствует о разнообразии их судеб. Существуют так называемые мировые языки, широко используемые в международном и межэтническом общении, и есть языки, на которых говорят и пишут лишь несколько сот человек в одном-единственном ауле.

Однако при всей своеобразии языков мира и их историй существуют общие закономерности, присущие любому из них. Степень распространённости тех или иных типологических закономерностей и приводит к открытию новых лингвистических универсалий. К универсалиям относится и, например, категория модальности, которая теми или иными способами находит выражение во всех известных языках.

На наш взгляд, исследования, в которых универсальная категория рассматривается в сопоставлении генетически и типологически разных языков, вызывают особый интерес, поскольку подобного плана работы могут дать богатый материал и более точные типологические представления, способствующие созданию масштабных картин эволюции языков, так как данные типологии являются одним из надежных источников верификации сравнительно-исторических реконструкций. С другой стороны, целесообразность таких

многоплановых работ объясняется и тем, что в исследованиях по истории языков многие предположения выдвигаются и проверяются с учетом типологического правдоподобия гипотезы. Типологические факты и аргументы часто оказываются решающим доводом в пользу конкретной этимологии или реконструкции. Таким образом, значение лингвистической типологии для компаративистики состоит в возрастании теоретической оснащенности исследований, иначе говоря – совершенствуется методология исторического языкознания.

Наблюдение проявлений универсальной категории на материале языков различного строя позволяет также расширить и углубить лингвистические представления об этой категории в целом.

Решению этих задач в большей степени отвечают приёмы контрастивного языкознания. В традиционной трактовке этот метод определяется как имеющий «дело с попарным сопоставлением языковых систем (структур) на всех уровнях вне зависимости от генетической и типологической принадлежности сопоставляемых языков с целью выявления их структурных и функциональных особенностей, сходств и различий (контрастов)» [3]. Такие исследования подчинены по преимуществу задачам прикладного характера – разработки стратегии обучения какому-либо из сравниваемых языков, теории перевода и др. При решении этих задач равноценными являются и сходства, и различия между языками. К.Р. Керимов, например, при сопоставлении категории аспектуальности в русском и лезгинском языках делает акцент на способности контрастивного метода выявлять различия (контрасты) и предпочтение отдаёт термину контрастивный [4]. Это объясняется тем, что понимание категории вида часто ограничивается его специфическими особенностями в русском языке, и именно выявление различий позволило показать наличие категории вида иного типа в лезгинском языке. Обнаружение наиболее важных различий в языках считают задачей контрастивной лингвистики многие ученые [1]. Положение об эффективности контрастивного метода, своего рода обозрения языка «снаружи», которое позволяет отчётливо видеть черты своеобразия, остающиеся вне поля зрения при его изучении «изнутри» [2], является в настоящее время общепризнанным. На наш взгляд, он позволяет глубже проникнуть в системы каждого из сравниваемых языков в целях их теоретического описания, а также получения данных общелингвистической значимости.

Обозрение языка «снаружи» проводится в сопоставительных исследованиях с применением двух подходов: либо рассматривают набор сходных форм в языках и затем определяют выражаемые ими значения («от формы к значению»), либо берут какую-либо категорию и выясняют формы её передачи в языках («от содержания к форме») [3]. Это обеспечивает изучение как структурных, так и смысловых черт сравниваемых языков, способствуя выявлению их специфических особенностей. При этом анализ осуществляется на основе явлений, существующих в сравниваемых языках.

Возьмем, к примеру, универсальную категорию наклонения в русском, английском и лезгинском языках. Как категория морфологическая, наклонение представлено во всех трех сопоставляемых языках неодинаковым набором форм, грамматические значения каждой из которых в этих языках также не всегда совпадают. В частности, сопоставительное изучение наклонений в рассматриваемых языках позволяет предполагать, что лезгинский язык располагает более детальным набором форм наклонения, чем в русском и английском языках. При этом система и русского, и английского, и лезгинского языков отражает двухступенчатый характер средств выражения категории наклонения: реальному наклонению (изъявительному), выражаемому посредством временных аффиксов (суффиксов, личных окончаний и вспомогательных глаголов, различных форм настоящего, прошедшего или будущего времени), противопоставлены ирреальные наклонения (повелительное,

согласительное и др.), каждое из которых выражается специализированными морфологическими средствами. Таким образом, наклонение является грамматическим значением глагольной формы, характеризующим устанавливаемое автором (говорящим) отношение действия (состояния) к действительности [3].

Выполнение соответствующего анализа на материале трех языков обусловлено рядом причин. Поскольку русский и лезгинский языки, как известно, по типологической системе относятся к синтетическим языкам, а английский язык — к аналитическим, то контекстуально-обусловленные формы их реализации не всегда достаточно адекватно могут быть переведены на противоположный язык. Тем не менее реально допустимы синонимичные варианты, то есть на каждый случай контекстного употребления того или иного наклонения в русском языке можно найти соответствия в английском и лезгинском языках. Подобный анализ способствует выявлению не только универсальных типологических экспликаторов модальных значений, но и идеоэтнических (национально-специфических) особенностей языковой картины мира.

Особенно много спорных вопросов наблюдается в попытках охарактеризовать различные проявления ирреальной модальности — так, даже сами границы ирреальной модальности с точки зрения современной науки представляются расплывчатыми. До сих пор не выработано четкой системы критериев, регламентирующих участие тех или иных языковых средств в формировании ирреальных модальных языковых значений. Таким образом, исследование явления ирреальной модальности, как наименее разработанного, является актуальным и насущным.

Важным методологическим принципом при исследовании категории наклонения является учет неразрывной связи формы и значения. Несоблюдение этого принципа приводило к тому, что при классификации форм категории наклонения основным критерием были особенности образования форм независимо от передаваемых ими значений, или, наоборот, в исследовании, основываемом на критерии значения, не учитывались различия формообразования. Отсюда и расхождения во мнениях по поводу сущности категории наклонения, объема значений, объединяемых этим понятием, и форм.

В связи с этим необходимо определить, в каких случаях форма глагола квалифицируется как самостоятельное наклонение. Исходя из принципа противопоставления по линии модальности, различий в формообразовании и синтаксическом употреблении, мы считаем, что в случае, когда отношение сообщаемого факта к реальности, с точки зрения говорящего, выражается морфологической оппозицией, есть все основания рассматривать форму глагола как самостоятельное наклонение.

Сложившееся в русском и английском языкознании рассмотрение модальности как функционально-семантической категории, выражаемой морфологическими, синтаксическими, лексическими, интонационными средствами, создает условия для ее сопоставления с категорией модальности лезгинского языка с опорой на элементы содержательного плана. Модальные значения, выражаемые формой глагола в одном из сопоставляемых языков, в другом могут быть оформлены иным способом. Семантическое же содержание категории модальности в сопоставляемых языках мы не склонны дифференцировать: эта унификация закономерно вытекает из универсального характера категории модальности. Несомненно, обособленного рассмотрения требуют конкретные разновидности модальных значений, получающих грамматическое выражение в сравниваемых языках, и формальные способы их передачи: в разных языках они разные, что объясняется специфическими типологическими характеристиками языков, различными грамматическими и экстралингвистическими параметрами.

Исходя из этого здесь за основу сопоставления берется модальное значение, которое передается различными способами в русском, английском и лезгинском языках, но в русском и английском языках не имеет категориального выражения, а в лезгинском представлено морфологическим показателем.

Основное содержание ирреальных наклонений, на наш взгляд, заключается в том, чтобы представить ситуацию, обозначаемую высказыванием, как возможную, предполагаемую, допустимую, нереальную, иными словами, в той или иной степени не соответствующую действительности.

Для сопоставления модальных значений ирреального плана, обозначаемых формами наклонений в русском, английском и лезгинском языках, мы берём в качестве исходных основные значения морфологических и синтаксических наклонений русского языка и выявляем способы их грамматического оформления в лезгинском и английском языках. Это позволяет, с одной стороны, отталкиваясь от элементов содержательного плана, уточнить неоднозначно толкуемые в литературе значения морфологических форм ирреальных наклонений лезгинского глагола. С другой стороны, в русском и английском языках комплекс модальных значений описан не только на уровне морфологических форм выражения, но и на уровне синтаксиса. Это даёт для анализа достаточно широкий набор ирреальных модальных значений, которые в лезгинском языке, в отличие от русского и английского, могут быть представлены специальными морфологическими формами.

Во многих современных работах типологической направленности выявлены совершенно одинаковые или сходные черты абсолютно разных языков. Подобные исследования тем более важны и ценны для общего языкознания, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга.

Литература

1. Алиева Э.Н. Категория эвиденциальности в русском, английском и лезгинском языках. Филологические науки. 2008. № 1. С. 78-85.
2. Алиева Э.Н. О модальности невозможности в лезгинском языке в сопоставлении с русским и английским. Филологические науки. 2009. № 5. С. 97-102.
3. Дергачева И.В., Лукинова А.Р., Коцик А.В., Баймурзаева Г.Б. и др. Методика преподавания иностранных языков: классика и инновации / Под ред. Дергачевой И.В. М.: МГППУ; Тверь – Издатель А.Н. Кондратьев, 2012.
4. Керимов К.Р. Концептуализация компаративной семантики, альтернативная категории степеней сравнения // European Social Science Journal. 2013. № 9, том 2. – С. 217-224.

The category of mood in typological aspect

Alieva E.N.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, *lingvamiep@mail.ru*

The development of linguistics is a continuous ongoing process. New material is being accumulated, new ideas arise, previous assessments and concepts have been clarified and reevaluated. This makes it necessary to create a synthesis of the work. Their aim might be summarizing research, achievements, consideration of new material and reevaluation of previously known one. A considerable improvement over the years of research methodology in linguistics contributes to comparative and universal-typological studies of languages of different building including genetically and typologically distant ones.

Keywords: genetically and typologically distant languages, research methodology, comparative linguistics, universal-typological studies of languages.

References

1. *Alieva E.N.* Kategorija jevidencial'nosti v rusском, anglijsком i lezginском jazykah. *Filologicheskie nauki*. 2008. № 1. pp. 78-85.
2. *Alieva E.N.* O modal'nosti nevozmozhnosti v lezginском jazyke v сопоставлении s rusским i anglijsким. *Filologicheskie nauki*. 2009. № 5. pp. 97-102.
3. *Dergacheva I.V., Lukinova A.R., Kocik A.V., Bajmurzaeva G.B. i dr.* Metodika prepodavaniya inostrannyh jazykov: klassika i innovacii / Pod red. Dergachevoj I.V. M.:MGPPU; Tver' – Izdatel' A.N. Kondrat'ev, 2012.
4. *Kerimov K.R.* Konceptualizacija komparativnoj semantiki, al'ternativnaja kategorii stepenej sravnenija // *European Social Science Journal*. 2013. № 9, tom 2. – pp. 217-224.